

КОНФУЦИАНСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЮАНЬ

Жэнь Сюэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, fayastudy@qq.com*

В статье рассматривается проблема воздействия конфуцианства на внешнюю политику Китая во время правления династии Юань (1271—1368 гг.). Автор оценивает особенности и результаты использования конфуцианских установок монгольскими правителями империи Юань и приходит к заключению, что соответствующее учение было использовано ими для укрепления своей власти на завоеванных землях. Вместе с тем, отдельные постулаты конфуцианского учения, в первую очередь, идеи «китаецентризма» использовались для закрепления легитимного статуса новой империи и оправдания притязаний на доминирование во восточноазиатском регионе. Научная новизна исследования заключается в выявлении связи между концептуальными установками Китая времен империи Юань и практическими действиями китайской дипломатии в данный период. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его положений при изучении особенностей формирования китайской государственности и внешней политики.

Ключевые слова: Китай; династия Юань; конфуцианство; внешняя политика; дипломатия; «китаецентризм»; дань; внешняя торговля; вассальные отношения.

CONFUCIANISM AND CHINA'S FOREIGN POLICY DURING THE YUAN DYNASTY

Ren Xue

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, fayastudy@qq.com*

The article deals with the problem of the impact of Confucianism on China's foreign policy during the reign of the Yuan Dynasty (1271—1368). The author evaluates the features and results of the use of Confucian attitudes by the Mongol rulers of the Yuan Empire and concludes that the corresponding teaching was used by them to strengthen their power in the conquered lands. At the same time, certain postulates of Confucian teaching, first of all, the ideas of "Sinocentrism" were used to consolidate the legitimate status of the new empire and justify claims to dominance in the East Asian region. The scientific novelty of the study is to identify the connection between

the conceptual attitudes of China during the Yuan Empire and the practical actions of Chinese diplomacy in this period. The practical significance of the study lies in the possibility of using its provisions in studying the peculiarities of the formation of Chinese statehood and foreign policy.

Keywords: China; Yuan Dynasty; Confucianism; foreign policy; diplomacy; sinocentrism; tribute; foreign trade; vassal relations.

Династия Юань стала первой в истории Китая династией, основанной северными кочевыми народами (монголами). Ее правление началось в 1260 г., хотя империя Юань была провозглашена в 1271 г., а окончательно завоевать Китай ее правители смогли лишь в 1279 г. Спецификой правления династии Юань было то, что завоеванные китайцы-ханьцы по уровню культурного развития превосходили завоевателей-монголов. Стремясь повысить качество управления, завоеватели были вынуждены усваивать и применять элементы традиционной китайской культуры, включая конфуцианство. Новые правители продолжили использовать чиновников-конфуцианцев и хорошо разработанную и проверенную веками практику управления империей [1, с. 254].

Основатель династии Юань император Шицзу (Хубилай-хан), правивший в 1260—1294 гг., познакомился с конфуцианским учением еще в молодости. Он быстро осознал, что конфуцианцы являются умелыми управленцами и распространителями культуры, способными помочь ему на пути к успеху, и назначил большое количество конфуцианцев на различные посты в системе государственного управления (хотя полностью им не доверял). Именно при нем к управлению империей были подключены конфуцианцы-китайцы — Лю Бинчжун, Чжан Вэньцзянь, Яо Шу, Ши Тяньцзе — и конфуцианцы-«варвары», яркими представителями которых стали монгол Елю Чуцай, получивший классическое китайское образование, и кипчак Тайбука, который достиг высшей ученой степени цзиньши, ведал делами Академии императорского двора (Сюэшиюань), стал искусным каллиграфом и «внес собственные трактовки в толкование конфуцианских текстов» [1, с. 254]. Шицзу приказал отобрать ученых-конфуцианцев для составления государственной истории и переводов канонических книг, возвести здание департамента истории и выдавать из казны оклады, необходимые для содержания этих ученых [2, с. 98].

Провозглашение в декабре 1271 г. империи Юань означало восприятие монголами китайской традиции государственного строительства [1, с. 125]. Это решение было принято юаньскими правителями по предложению ханьского конфуцианского ученого Лю Бинчжуна. Название «Юань» указывало на то, что империя является единственным государством с беспрецедентно обширными границами и выступает в качестве правопреемника прежних китайских династий.

Хубилай-хан знал, что конфуцианство является основой китайской культуры. Он рассчитывал, что конфуцианство станет общей культурой для всех народов империи, поэтому приказал перевести такие классические конфуцианские произведения на монгольский язык, как «Великое учение», «Учение о середине», «Беседы и суждения», «Мэн-цзы», что способствовало распространению конфуцианских канонов не только в центральных районах империи, но и в отдаленных районах Севера — Мобэй, Юньнань и т. д.

В 1313 г. император Жэньцзун (Аюрбаригада) приказал возобновить государственные экзамены кэцзюй, что позволило неоконфуцианству (ли сюэ) получить официальный статус в империи и поспособствовало его распространению в обществе. Это было важное решение, ознаменовавшее тот факт, что конфуцианская культура и образование стали неотъемлемой частью имперского государственного строительства.

Как отметил японский ученый Данжо Хироси, в начале XIII в. возникшая монгольская держава объединила Китай под властью династии Юань. С этого момента статус Китая и «варваров» радикально изменился. Переход Китая под власть «варваров» стал беспрецедентным и судьбоносным событием в его истории [3, с. 21]. Для китайских приверженцев учения Конфуция в эпоху Юань особую остроту приобрела проблема отношения к традиционной китаецентристской модели мира, выраженной постулатом: Китай — центр мира, а окружающие его народы — «варвары», сложившимся в предшествующие Юань периоды истории Китая [1, с. 257].

По мнению китайской исследовательницы Кун Линьцзе, политическое перемены, связанные с вторжением монголов в Китай, порождали у конфуцианцев ощущения двойственности. Для конфуцианцев, которые находились под властью «варварских» династий Ляо и Цзинь на севере Китая уже несколько веков, правление монголов не являлось чем-то сверхъестественным. Однако для конфуцианцев юга оно стало беспрецедентным событием. Они пытались решить вопрос об отношениях китайцев и «варваров», но не преуспели в этом [4, с. 192—193].

Чтобы лучше приспособиться к политическим нуждам «Великого единения», конфуцианские ученые Хао Цзин и Сюй Хэн предложили новый взгляд на китайцев и «варваров». Согласно их утверждению, кем бы ни были правители — ханьцами, чжурчжэнями или монголами, китайцами или «варварами», южанами или северянами, — если они могут использовать и воплощать на практике конфуцианский принцип «Дао», т. е. следовать конфуцианским канонам дисциплины и этикета, то получают небесный мандат на управление Китаем. Такой подход разрушал этнические границы режима владыки Поднебесной и создавал разумную и законную основу для идейного проникновения «варваров» в центральные районы империи.

Следует отметить, что династия Юань все же была связана с империей «варваров»-монголов, и ее дипломатия, хоть и испытывала влияние конфуцианства, в некоторых вопросах не в полной мере следовала его установкам.

Прежде всего правители династии Юань унаследовали традиционные кочевые устои монголов и понимали важность товарного обмена, поэтому придавали большое значение развитию внешней торговли.

В отличие от прежних правителей Китая, которые в соответствии с постулатами конфуцианцев считали, что в дипломатическом общении следует щедро одаривать вассалов и принимать их скромные подношения, династия Юань высоко оценивала экономические выгоды от процесса сбора дани и заставляла вассальные государства, к примеру, Корею, выплачивать дань в больших размерах [5, с. 184—185].

Немаловажным было и то, что большинство юаньских правителей допускало возможность достижения поставленных целей силовым путем. К примеру, император Чэнцзун (Тэмур), правивший в 1294—1307 гг., считал, что использование силы является не только способом защиты территории и обеспечения безопасности империи, но и признаком легитимности и авторитета императорской власти [6, с. 173]. В отношениях с соседними государствами правители Юань опирались на «заветы» Чингисхана, добиваясь от них не номинальных, как это было прежде, а реальных проявлений зависимости [1, с. 223], включая приезда к императору-хану местных правителей, присылки заложников, оказания военной помощи и др. Империя Юань неоднократно вела войны против соседних стран — Бирмы, Аннама, Японии.

Что касается зарубежных обменов, то Шицзу лично направлял эмиссаров в Японию, Корею и другие восточные страны. Правители династии Юань стремились к укреплению связей с Западом, принимая европейских миссионеров и купцов, поддерживали торговлю по Великому шелковому пути и морскую торговлю. Империя Юань сохраняла открытость по отношению к внешнему миру, что соответствовало конфуцианской концепции доступа к четырем морям и «одной семье».

В рамках дипломатической практики юаньские правители использовали конфуцианскую идею «мандата Неба» и «китаецентризма», предлагая другим народам выстраивать отношения на принципах «почтительности сыновей к отцу» взамен за оказание «отцовской заботы». Такой подход был отражен в послании Хубилай-хана японскому правителю (вану) от 7 сентября 1266 г. В этом послании, в частности, говорилось: «Мы полагаем вас господином издревле малого государства, границы и земли которого издревле соприкасались с нашими, а о делах мы издавна договаривались с доверием и соблюдением дружеских отношений, что уж говорить теперь, когда наш предок получил мандат Неба. Целиком владеем землями китайцев, а что касается дальних чужеземных стран, которые как трепещут от нашего могущества, так и помнят оказанное нами добро, то невозможно всех и подсчитать... Государь Кореи и его сановники из глубокой благодарности прибыли к нашему двору, и хоть это только лишь долг государя и подданных, но все равно приносит удовлетворение, как будто это отношения отца и

сына. Рассчитываем, что и Вы с сановниками прибудете ко двору выразить верноподданнические чувства... Япония находится в близких отношения с Кореей, так что после возникновения нашего государства был удобный момент пересечь Китай и прибыть лично к нам, но так и не было даже одного посла, прибывшего, чтобы установить дружеские отношения. Все же опасаемся, что ван государства, зная это, еще не разобрался до конца, и поэтому специально направляем послов, взявших с собой это письмо, чтобы обнаружить и объявить Наши стремления, надеясь с этого времени и в будущем обмениваться посланиями и завязать дружеские связи с тем, чтобы быть во взаимно сердечных отношениях» [2 с. 130—131].

Ранее, в 1261 г. Хубилай-хан направил в Дайвьет посольство, гарантируя мир на условиях подтверждения отношений, которые ранее сложились между Дайвьетом и Китаем. Это отношения подразумевали признание королем Дайвьета своего вассального статуса по отношению к великому монгольскому хану и «периодическое прибытие посольств (вьетнамских) с данью». Послам было предписано добиться того, чтобы первые «данники» из Дайвьета обязательно были родственниками короля. Такой номинальный вассалитет, не являвшийся формой действительного подчинения монголам, устраивал вьетов. Они направили посольство к Хубилай-хану, а он официально признал Чан Тхань Тонга королем Дайвьета [1, с. 225]. В обоих случаях династия Юань отождествляла себя с Китаем и исходила из необходимости постепенного выстраивания даннических отношений по аналогии с прежними династиями Поднебесной.

В целом же во время правления династии Юань значимость конфуцианства при осуществлении внешней политики снизилась в сравнении с предшествующим периодом китайской истории. Однако оно продолжало использоваться при выстраивании отношений с другими государствами и народами и определяло сущность идеологии империи, управляемой «варварской». Несмотря на монгольские корни, правители империи Юань, как и их китайские предшественники, приняли на вооружение идейные постулаты «мандата Неба» и «китаецентричности» мира, разработанные конфуцианцами. Впрочем, это не предотвратило бесславного финала правления династии Юань, которая так и не смогла получить полной и безоговорочной поддержки со стороны китайского населения и в результате сильного внутреннего кризиса, начавшегося в 1351 г., прекратила существование в 1368 г.

Библиографический список

1. История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 5 : Династии Юань и Мин (1279—1644) ; отв. ред. А. Ш. Кадырбаев, А. А. Бокщанин; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Наука ; Вост. лит., 2016. — 678 с.
2. Храпачевский, Р. П. Анналы Хубилая, главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4—17 Юань ши) / Р.П. Храпачевский. — М. : Центр по изучению военн. и общ. истории, 2019. — 746 с.

3. Тань Шанкуань. Юнлэ дихуа и чжи сюй дэ ваньчэн = Император Юнлэ — завершение китайского и «варварского» порядка / Тань Шанкуань. — Пекин : Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ = Изд-во лит. по обществ. наукам, 2015. — 287 с. (на кит. яз.).

4. Кун Линьцзе. Сун цзинь юань шици миньцзу гуаньянь дэ яньхуа = Эволюция этнических понятий в династиях Сун, Цзинь и Юань / Кун Линьцзе // Синань дасюэ сюэбао = Журн. Юго-Запад. ун-та. — 2019. — Т. 4, № 4. — С. 190—200. (на кит. яз.).

5. Чаосянь цзяньши = Краткая история Кореи / Пу Джэньшуан [и др.]. — Яньцзи : Изд-во Яньбянь. ун-та, 1997. — С. 184—185. (на кит. яз.).

6. Чжу Фаву. Цзяньлунь юаньдай фэнгун тичжи дэ цзяньли цзи вайцзяо чжэнцэ дэ бьяньхуа = Краткое обсуждение становления системы феодальной дани и изменений во внешней политике при династии Юань / Чжу Фаву // Конфуцианская цивилизация и традиционные внешние отношения Китая. — Шаньдун : Шаньдун дасюэ чубаншэ = Изд-во Шаньдун. ун-та, 2008. — С. 164—186. (на кит. яз.).